



Сергей Ост

# НАУЧНЫЙ ПОДХОД



16+

# Сергей Ост

# Научный подход

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=68271635](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68271635)*

*SelfPub; 2022*

## Аннотация

Коллектив ученых борется за сохранение важного научного объекта, но на пути их благородных мотивов встают коррупция и бюрократия.

# Сергей Ост

## Научный подход

Исполинская громадина амфитеатра тянулась от перекрёстка на объездном загородном шоссе, считай, до самого горизонта. От бетонного овала ветвились и вольготно разрастались по окрестностям отростки футуристических пристроек, дорожные развязки, асфальтовые плато неясного назначения и такие же несуразные зелёные квадраты газонов. И всё в жёлтой и белой дорожной разметке, от которой пестрело в глазах.

Транспорт, правда, был здесь редким гостем – редкая фура доползет до сердцевины инфраструктуры, оставшейся со времён канувшего в лету спортивного потлача. Выросший в чистом поле спорткомплекс был дорогущим, амбициозным и совершенно невостребованным. Амфитеатр и до введения фан-ID был не в чести у местных болельщиков, а потом и вообще остался бы лишь величественным монументом государственному тщеславию. Если бы не одно научное открытие, которое дало ему шанс.

В тени циклопического сооружения внимательный наблюдатель мог бы, если бы знал, куда смотреть, различить тёмное пятно грунтовой кучки, выросшей возле огороженного ленточками раскопа под открытым небом. Три года назад компания местных подростков, избравшая данную ло-

кацию местом для празднования выпускного (увы, с применением спиртосодержащих препаратов), наткнулась на проваившийся артефакт. То ли его ливни размыли, то ли культиватором по весне вывернуло, а может кроты постарались. Но вот, нашли загадочную структуру, которая вызвала ажиотаж в среде ученых. Даже целое научное направление благодаря открытию создали. Физику экзогенных структур!

К тому моменту как заметка о находке появилась в СМИ и привлекла внимание научного сообщества, большую часть оболочки повредили и разрисовали вандалы, а куски чернозема и глины, подвергшиеся воздействию артефакта и причудливо им трансформированные, растащили на сувениры. И всё же, маститая и именитая комиссия действительных членов академии, присланная из столицы, успела выехать на место до полного разграбления объекта. Провели первичное обследование, определили научную ценность находки. Так здесь и выросло приземистое одноэтажное здание лабораторного корпуса, неказистое и совершенно не вписывающееся в урбанистический стиль нагромождённого рядом с уникальным научным объектом спортивного комплекса. Кстати названного в честь него – «Экзоген-арена».

Профессор Михаил Петрович Злаков, заведующий кафедрой физики экзогенных структур, образованной на базе областного НИИ, постоял у остановки, провожая взглядом убывающий пассажирский автобус на метане, вздохнул, и поплелся через пешеходный переход, с другой стороны до-

роги упирающийся прямо в дорожное ограждение. Обочину при постройке развязки не предусмотрели, и спешившимся пассажирам предстояло пройти под палящим солнцем метров двести, чтобы скрыться наконец в спасительной тени амфитеатра. А там уж, по грунтовке, летом вполне проходимой, следовало преодолеть остаток пути – еще двести метров – чтобы рухнуть в кресло под кондиционером и немного прийти в себя. Михаилу Петровичу не полагался служебный автомобиль, так что этот нелегкий путь он не без внутреннего ропота преодолевал каждый рабочий день, а часто и по субботам. И всё это за оклад в тридцать пять тыщ, редкие премии и доплату от профсоюза.

Марианне, аспирантке, которую чудом, а вернее, различными нематериальными стимулами удалось заманить на практику в лабораторию, было проще. Её подвозил по утрам и забирал по вечерам молодой человек на «акценте». Михаил Петрович испытывал сомнения, что несмотря на этот бонус Марианна продержится до конца практики и станет младшим научным сотрудником НИЛ по изучению экзогенных структур. Что же касается остальных штатных мест, то они на протяжении долгого времени оставались вакантны. За полтора года существования лаборатории ему не удалось притянуть сюда пусть на четверть ставки хоть какого-то худо-бедно соображающего сотрудника.

Телефон, как всегда, стал звонить уже на подходе. Директор НИИ, Дмитрий Алексеевич Куренко, испытывал по-

чти садистское удовольствие, когда мог подгадать опоздание подчинённых. Тогда он зачинал нудную нравоучительную речь, насыщенную анекдотами и подначками. Видимо, ему казалось, что он обладает искрометным юмором, хотя все шуточки и шпильки он повторял по многу раз, да и смешное из них выветрилось ещё в эпоху застоя. К несчастью Злакова, график движения транспорта был очень неудобным, и рейс на который он чаще всего попадал, всегда опаздывал минут на десять.

На этот раз повезло: Марианна была уже на месте и подстраховала Михаила Петровича.

Она подняла трубку и, увидев его, неистово бегущего к корпусу лаборатории, потянула время, выясняя, кто звонит и что ему нужно.

– А, Дмитрий Алексеевич! Простите, не узнала вас по телефону. Да, на месте. Передаю трубочку.

– Слушаю, Дмитрий Алексеевич! – выпалил Злаков, подавляя одышку.

Директор скис. Уличить подчинённого в опоздании не получилось. День испорчен. Но для того, чтобы получить свою дозу энергии, у психологического вампира будет ещё много, много возможностей, ведь рабочий день только начался.

– Михаил Петрович, утро, как говорится, доброе. Если оно доброе. Вы как, не забыли про сегодня?

– На сегодня много чего намечено. Про что именно не забыл?

– Ну как же! Совещание по поводу коммерческого кластера у вас на объекте. Всё остальное шелуха, подождёт. А вот это откладывать больше некуда!

– Дмитрий Алексеевич! Помилуйте! Я же говорил, я писал и вам, и наверх, что увеличение потока туристов пагубно влияет на наш объект. И я не говорю про фантики и окурки, я про то, что их биополе как-то негативно коррелирует с его состоянием. Таблица мониторинга, которую я вам сбрасывал, в ней же видно, как истончается слой...

– Тпру, Михаил Петрович, вы опять за своё. Мы же всё обговорили в прошлый раз. Вы говорили, что возражения сняты.

– Я говорил? Да вы же просто меня загнали в угол.

– Коллеги, я вас не понимаю, – в голосе шефа дохнуло сквозняком раздражения. – Кто мне служебки кидает про то, что у вас не на что принтер заправить и воду в кулере поменять? А премию квартальную вы хотите? Так вот знайте, что такой статьи финансирования у меня нет. Зарабатывать надо самим!

– Так мы же зарабатываем! Только на нашу кафедру НИИ возвращает сущие копейки! Я лаборантов себе найти не могу! Звонил один недавно – оказался маломобильный. Он на автобусе сюда ездить не хочет, после перелома шейки бедра согласен только на служебном транспорте. Я не понимаю, почему для бухгалтерии заявки всегда согласовывают, хотя они в центре города сидят, пешком можно дойти. А мы тут

– у чёрта на рогах, а вынуждены добираться своим ходом!

– Так я же вам и говорю: зарабатывайте! Усилим сборы с турпотока – будет вам и премия, и служебный автомобиль. Услышьте меня, Михаил Петрович.

– Услышал, Дмитрий Алексеевич. Что задумали, делайте скорее, – перефразировал он фразу из Евангелия. – От меня вам что-то нужно ещё?

– Ну как что, подписать проект. Я уже и подрядчиков нашел. Плиточку положим, урны поставим, клумбы разобьем. Облагородим, так сказать.

– Клумбы? – холодея переспросил Злаков. – Но ведь воздействие фитопатогенов на объект совершенно не изучено! Что, если выделения растений могут ему навредить?

– Так вы и выясните, могут или не могут.

– Сначала дайте мне штат работников!

– Он у вас и так раздут. А что никто к вам не идёт, так дело может не в низкой зарплате, а в ваших управленческих качествах.

– Что? В моих качествах?

Шеф видимо, осознал, что погорячился.

– Простите, Михаил Петрович, это я в сердцах. Довели вы меня своей несговорчивостью. Но вы же сами видите, у нас какой-то порочный круг получается. Надо принимать решение. И я подсказываю вам выход. А там, может, и ваши исследования на грант подадим. Я переговорю там наверху. Мм?



– Я буду в четырнадцать ноль-ноль.

– Вот и славно. Только не опаздывайте.

Злаков положил трубку. Послевкусие от разговора было похабным, словно он за обещание гранта и квартальную премию согласился отдать на усыпление домашнего питомца. Марианна смотрела на него с глазами, полными слез. Удивительно, но девушка реально переживала о порученной работе: старательно вела журнал наблюдений, заполняла протоколы, аккуратно маркировала образцы, а к самому объекту относилась с благоговейным трепетом.

– Опять туристы?

Злаков кивнул.

– Михаил Петрович, вы только не переживайте. С вашим сердцем...

– Я стараюсь, Марианна, стараюсь. Ну что, давайте на плановый осмотр и отбор образцов.

Они расставили на подносе набор контейнеров для сбора образцов, облачились в халаты и перчатки. Марианна несла журнал, Злаков – поднос. Покинув лабораторию, они спустились в раскоп. Он поставил поднос на пластиковый стеллаж, ножками вкопанный в землю. Практикантка приготовилась записывать результаты осмотра.

Её внимание привлекла пирамидка из пивных банок, аккуратно сложенная почти у края артефакта.

– Снова, – сказал профессор.

– Я уберу, – сказала Марианна.

Она достала пластиковый пакет и захотела сложить туда мусор, но вскрикнула и отдёрнула руку.

– Они очень горячие!

– Потрясающе! Он снова стал воздействовать термическим способом!

– В контейнер?

– Немедленно! Только возьмите пинцетом.

Артефакт снова явно проявил своё неудовольствие от частых посещений. А оптические замеры показали скачкообразное истончение его диаметра – почти на полсантиметра за сутки.

– Эдак мы к новому году лишимся объекта, – сказал Михаил Петрович, занося данные в рабочий блокнот.

– Может, восстановится? – предположила Марианна. – Было ведь уже в мае, когда он после праздников похудел, а потом немножко разбух.

– Это возможно. Но я боюсь, что однажды внешнее влияние фатально отразится на протекающих внутри его структуры процессах. А мы ведь еще толком ничего о них не знаем.

– Может, над ним шатёр какой соорудить? Или хотя бы навес. И табличку снова поставить, запрещающую.

– Да над ним саркофаг нужно возводить, как над черномыльским реактором! – вскричал Злаков и осёкся. – Только кому до этого есть дело.

Время до обеда пролетело незаметно. Пора было ехать на

совещание.

Марианна вышла из корпуса, чтобы проводить руководителя, и заметила на горизонте экскурсионный автобус.

– Едут.

– Вижу. Ну вы, пожалуйста, проследите, чтоб никто в раскоп не лез. Пугайте, что может током убить, что ли...

– Поняла.

– Рассчитываю на вас. Да что бы я без тебя делал... – внешне запно расчувствовался Михаил Петрович.

Марианна стала его успокаивать, дёрнулась было подать воды, но он мужественно взял себя в руки, подавил минутную слабость и с достоинством пустился в путь к остановке, косясь на вывалившую на утоптанную смотровую площадку многочисленную группу азиатских туристов.

\*\*\*

Лето линяло на календаре. К сентябрю «облагораживание» было почти закончено. Плиточную кладку после дождей уже кое-где повело; клумбы подвытоптали, мусоросборочные машины к объекту спускаться отказывались, ссылаясь на то, что габариты не позволят развернуться без вреда для объекта. Коллектив лаборатории за свой счёт закупил пластиковые мешки. Глазов, Марианна и принятый на работу лаборантом пятидесятипятилетний Игорь Иванович с букетом болезней, по очереди таскали мусор, остававшийся после туристов, на площадку у остановки, откуда отходы иногда всё же подбирали. Радовало, правда, что после утвер-

ждения повышенной квоты на посещение объекта туристами, квартальную премию действительно выплатили. Хотя и меньше, чем обещали.

В тот день Злаков поехал не в лабораторию, а сразу в НИИ: шеф вызвал его на внеочередное совещание. Когда он забрался по ступенькам на пятый этаж добротного сталинского здания, в котором прежде располагалась партшкола, ему потребовался пятиминутный отдых чтобы отдышаться. Надо бы обследоваться, конечно. Давно пора. Но когда найти на это время? Да и на хорошего кардиолога в частном медцентре денег нет, а в обычную поликлинику с больным сердцем соваться опасно. Может, получится выкроить возможность, если грант выстрелит. Хорошо бы...

– А, Михал Петроич! – вальяжно протянул шеф. – Заходите, знакомьтесь. Это Артур Акопович, наш новый инвестор, готовый, так сказать вложить средства в наше безнадежное предприятие. А это наш куратор от министерства, Борис Львович Кормицкий. Посмотрит на то, как мы работаем, даст рекомендации, где подтянуться, что поправить. Так что отчёты будете слать не только мне, но и ему. Ещё должен был быть Антон Николаевич, из академии. Нам предстоит некоторая...эм... реорганизация, за которую он отвечает. А пока он задерживается, давайте поговорим насчет вашего гранта. Артур Акопович может решить вопрос в Москве. Но у него есть некоторое условие. Он владеет сетью точек быстрого питания...

Злаков схватился за сердце, предчувствуя недоброе.

– Да вы не переживайте так! Ваш «питомец» не пострадает! Фуд-зону мы расположим в тридцати метрах от объекта. И заодно он берёт на себя озеленение территории. По краям аллеи воткнём саженцы. Каталыпу, берёзки. Будет тенёк, которого вам так не хватало, а?

Михаил Петрович прислонился к стене, хватая воздух. Нужно собраться с мыслями и как-то попробовать отговорить шефа от этого безумия. Как объект поведёт себя от появления рядом шаурмачной, которая будет отравлять воздух специями и синтетической куриной плотью, не может предсказать никто. Анализ проб и так показывает устойчивое обеднение экзоструктур в образцах, выделяемых объектом. А ведь это новые материалы и технологии, оборонка, импортозамещение, которые могут накрыться медным тазом от того, что кто-то хочет получить свой маленький гешефт на кормлении голодных туристов...

– Ладно, давайте в пятидесяти метрах, – сказал инвестор, обеспокоенный реакцией учёного. – Если так надо для науки – ну ничего страшного, прогуляются лишний раз, всё равно там кроме нашего магазина, чебуречной и сувенирной лавки мэрия ничего ставить не разрешит.

От инфаркта Злакова спас телефон, завибрировавший в нагрудном кармане. Профессор потерянно прислонил его к уху, выслушал невидимого собеседника и отстранённо попрощался.

– Объект исчез, – спокойно объявил он собравшимся.  
– По данным журнала наблюдений, сегодня в восемь пятьдесят он ещё был. А в девять двадцать, после прибытия очередной экскурсии, исчез.

– Как – исчез? – спросил директор НИИ. – Природа не терпит пустоты. Материя из ничего не появляется и без следа не исчезает. Вы что там, совсем уже? Под камерами проворонили?

– Камеры проработали ровно день, пока их не свинтили, – парировал Михаил Петрович. – А исчезновение произошло на глазах у младшего сотрудника лаборатории Марианны Лабуховой и группы туристов в составе тридцати человек, а также водителя и экскурсовода. Событие зафиксировано средствами фото и видеосъемки.

Инвестор как-то заёрзал в кресле, забеспокоился и выжидательно посмотрел на Дмитрия Алексеевича Куренко, который всё ещё не мог справиться с изумлением.

– Что? – спросил тот, глядя на нервничающего инвестора.

– Я так понимаю, наша договорённость теперь не в силе. Я сегодня улетаю в командировку, так что хотел бы получить назад задаток.

Куренко развёл руками:

– Боюсь, это невозможно.

– Почему это?

– Давайте не будем при посторонних обсуждать этот вопрос.

– Это несерьёзно. Раз фуд-корт отменяется, я хочу получить назад деньги.

– У меня их уже нет. Признаю, я поспешил, но кто мог бы предусмотреть, что обстоятельства могут измениться столь драматичным образом... Я всё верну, просто несколько позже. Михаил Петрович, а вы нас не разыгрываете? Михаил Петрович, вы куда? Пойдите!

\*\*\*

Злаков стоял над краем круглой полости в земле, в которой ещё недавно покоился артефакт. Трансформированная его воздействием почва почти осыпалась на дно, и о былом научном ажиотаже напоминали только вывески, установленные буквально за неделю до исчезновения. Повинуясь смутному внутреннему импульсу, он бросил в яму три горсти и вернулся в лабораторный корпус. Марианна уже собрала свои вещи и бумаги, и теперь прихорашивалась перед зеркалом.

– Я готова, – сказала она. – Может, всё же такси вызовем?

– Воля ваша, давайте такси, Марианна Олеговна. Кто знает, доведётся ли сюда ещё вернуться, или сразу заявление подпишут. Если оставят в штате, пойдете ко мне ассистентом?

– Я пока не решила, стоит ли вообще оставаться в науке. Может, на айтишника переучусь, а может, сразу в Германию или Черногорию попробую. Есть варианты.

– Понимаю. Я и сам, признаться, не уверен, что держусь

за эту работу.

– Да я шучу, Михаил Петрович. Конечно, я останусь. Вы же мой наставник, это как первая любовь, только прочнее.

– А я бы не удивился, честное слово. И простил бы.

– Зато я бы себе не простила.

Лаборант Игорь Иванович появился в коридорном проёме с сумкой, в которой было плохо замаскирован микроскоп. Заметив, что все взгляды прикованы к его ноше, он попытался спрятать её за спину, но только ещё больше себя выдал.

– Дома хотел образцы ещё раз посмотреть, – виноватым тоном сказал он. – Это ж не возбраняется?

– Вау, кто это там?

Марианна указывала пальцем в окно. Злаков разглядел, что по грунтовке тащится дорогой чёрный мерседес.

– Непрошенные гости...

Из машины вышли двое. Одного из них, Бориса Львовича, куратора от министерства, Злаков запомнил. Второй, войдя в корпус, представился сам, энергично потрясая мужчинам руки:

– Антон Николаевич Движнюк, из академии. Слышали, да? Теперь вместо Дмитрия Алексеевича вашей темой буду заниматься я.

– Очень приятно, – сказала Марианна.

– А как же Куренко? – спросил лаборант.

– Отстранён от должности. Уголовка, – коротко пояснил Борис Львович.



– Вот как... Что ж, ладно. Но я не совсем понимаю, какой темой вы будете заниматься, если объект изучения бесследно исчез?

– Я понимаю вашу иронию, Михаил Петрович. Но я принёс вам хорошие новости. Комиссия, изучившая ваш доклад о произошедшем, пришла к выводу, что исчезновение артефакта, обладающего представляющего собой пример уникальной экзогенной структуры, представляет собой не меньшую научную проблему, чем его существование. В связи с этим, министерство дало добро на реорганизацию нашего НИИ. Кафедру вам оставляют, но перепрофилируют. Теперь вы возглавляете кафедру спонтанных флюктуаций экзогенных структур.

Сотрудники лаборатории переглянулись, не веря своим ушам.

– Да-да, я же говорил, что принес хорошие новости, – ухмыльнулся Движнюк. – Но некоторые трансформации всё же будут.

– Это какие же, – сердцем предчувствуя недоброе, спросил Злаков.

– Ну, поскольку сам объект исчез, то большая часть стендов вам теперь не нужна, холодильное оборудование тоже. И вакуумные шкафы. Но компьютеры мы вам оставляем, не переживайте. Снесём их в один кабинет. А в остальной части корпуса будет зал для отдыха, миникафе, разместятся бухгалтер и кассир, которые будут продавать туристам билеты

и считать выручку.

– Туристам? А на что же они будут смотреть, раз артефакт исчез?

– С этим никаких проблем не будет. Коллеги с кафедры компьютерного моделирования создали точную копию, вернее, 3-D модель артефакта. Так что мы установим проекторы и будем транслировать движущуюся голограмму объекта. Я смотрел у них в кабинете – выглядит потрясающе, гораздо лучше самого объекта. Обслуживание, правда, дороже обходится, чем раньше, за счёт электричества. Но это ничего, в целом расходы не вырастут.

– Уверены?

– Обижаете! Признаюсь, есть и ложка дёгтя в бочке мёда, – развёл руками куратор от министерства. Поскольку задачи и объём исследований поменялись, то штат вам несколько сократили. Осталось только две единицы. Ну и оклад урезают на треть, до базовой ставки. Но мы что-то придумаем. Я недавно переговорил с одним инвестором...

Сердце Михаила Петровича не выдержало, и он рухнул как подкошенный на ламинированный пол лаборатории.